

Л. Троцкий.

БОНАПАРТИЗМ, ФАШИЗМ И ВОЙНА

Тов. Троцкий работал над этой статьей в день когда убийца нанес свой смертельный удар. Статья, вернее заметки, осталась в незаконченном и необработанном виде, без заглавия. Редакцией «Бюллетеня» внесены лишь абсолютно необходимые поправки. Все поправки редакции вынесены за квадратные скобки.

В своей очень претенциозной, очень путанной и неумной статье, Двайт Макдональд изображает дело так, будто для нас фашизм есть просто повторением бонапартизма. Большой вздор трудно придумать. Мы анализировали фашизм по мере его развития, на разных ступенях его развития, выдвигая на первый план то одну то другую его сторону. В фашизме есть элемент бонапартизма. Без этого элемента, именно без возвышения государственной власти над обществом в результате крайнего обострения классово-борьбы, фашизм был бы невозможен. Но мы с самого начала указывали, что дело идет, прежде всего, о бонапартизме эпохи империалистического заката, который качественно отличается от бонапартизма эпохи буржуазного подъема. На следующей стадии мы выделили чистый бонапартизм, как введение к фашистскому режиму. Ибо у чистого бонапартизма приближалась власть короля.

В Италии положение после войны сложилось глубоко революционное. Пролетариат имел полную возможность [овладеть властью]. [Буржуазия сперва надеялась предотвратить диктатуру пролетариата бонапартистским режимом с Джиолотти во главе. Но этот режим оказался неустойчивым и уступил место фашистским силам, набранным из рядов мелкой буржуазии]. [Подобным же образом] министерства Брюнинга, Шлейхера и президентство Гинденбурга в Германии, правительство Петэна во Франции, но все они оказались, или должны оказаться, неустойчивыми. Для эпохи империалистского заката чисто бонапартистский бонапартизм совершенно недостаточен, империализму необходимо мобилизовать мелкую буржуазию и раздавить её тяжестью пролетариат. Выполнить эту задачу империализм может лишь в том случае, если сам пролетариат обнаружит свою неспособность завоевать власть, а социальный кризис доводит мелкую буржуазию до состояния пароксизма.

Во Франции нет фашизма в подлинном смысле слова. Режим сенильного маршала Петэна представляет собой сенильную форму бонапартизма эпохи империалистского упадка. Но и этот режим оказался возможен лишь после того, как длительная радикализация французского рабочего класса, приведшая к революционному взрыву в июне 1936 г., не нашла революционного выхода. Второй и Третий Интернационал, реакционное шарлатанство Народных фронтов, обманули и деморализовали рабочий класс. После пяти лет пропаганды союза демократии и коллективной безопасности, после неожиданного перемещения Сталина в лагерь Гитлера, французский рабочий класс оказался застигнут врасплох. Война вызвала ужасающую дезориентацию и пассивное пораженчество, вернее индифферентизм безвыходности. Из этого сцепления обстоятельств возникла во-первых, беспримерная военная катастрофа, вслед за нею презренный режим Петэна.

Именно в виду того, что режим Петэна является сенильным бонапартизмом, он не заключает в себе никакой устойчивости и может быть опрокинут революционным восстанием масс гораздо скорее, чем фашистский режим.

Все эти черты фашизма мы анализировали каждую в отдельности и все в совокупности по мере того, как они проявлялись или выдвигались на первый план.

И теоретический анализ и богатейший исторический опыт последней четверти столетия показывают с одинаковой силой, что фашизм является каждый раз заключительным звеном определенного политического цикла, в состав которого входят: острейший кризис капиталистического общества; рост радикализации рабочего класса; рост симпатий к рабочему классу и жажда перемен в среде мелкой буржуазии города и деревни; крайняя растерянность крупной буржуазии; её трусливое и предательское маневрирование с целью избежать революционной развязки; утомление пролетариата, растущая растерянность и индифферентизм; обострение социального кризиса; отчаяние мелкой буржуазии, готовность верить в чудеса; готовность к насильственным действиям; рост враждебности к пролетариату, который обманул её ожидания. Таковы предпосылки быстрого формирования фашистской партии и её победы.

Острота социального кризиса вырастает из того, что при нынешней концентрации средств производства, т.е. при монополизме трестов, закон ценности — рынок оказывается уже неспособен регулировать хозяйственные отношения. Государственное вмешательство становится абсолютной необходимостью (так как пролетариат). [Это вмешательство не может разрешить задачи пролетариата, если пролетариат не захватит власти и не установит социалистического метода регулирования хозяйства].

Поскольку пролетариат на данной стадии оказался неспособен овладеть властью, империализм начинает своими методами регулировать хозяйство; политическим механизмом является фашистская партия, ставшая государственной властью. Производительные силы находятся в непримиримом противоречии не только с частной собственностью, но и с границами национального государства. Империализм и является выражением этого противоречия. Империалистский капитал пытается разрешить это противоречие путем расширения границ, захвата новых территорий и пр. Тоталитарное государство, подчиняющее все стороны хозяйственной, политической и культурной жизни финансовому капиталу, является орудием создания сверх-национального государства, империалистской империи, владычества над континентами, владычества над миром.

Нынешняя война, как не раз повторялось, является продолжением прошлой войны. Но продолжение не значит повторение. Продолжение значит по общему правилу развитие, углубление, обострение. Наша политика, политика революционного пролетариата в отношении к второй империалистской войне является продолжением политики, выработанной в прошлую империалистскую войну, главным образом под руководством Ленина. Но продолжение не значит повторение. Продолжение и здесь означает развитие, углубление и обострение.

В прошлую войну не только пролетариат в целом, но и его авангард и в известном смысле авангард этого авангарда оказались застигнуты врасплох. Выработка принципов революционной политики по отношению к войне началась, когда война была уже в полном разгаре и военная машина господствовала неограниченно. Через год после начала войны на Циммервальдской Конференции маленькое революционное меньшинство ещё оказалось вынужденным приспособляться к центристскому большинству. Революционные элементы до Февральской революции и даже позже, чувствовали себя не как претенденты на власть, а как крайняя левая оппозиция. Даже Ленин отодвигал социалистическую революцию в более или менее отдаленное будущее. Он писал в Швейцарии:

«Мы старики может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции» (стр. 357, том 19).

Эта политическая позиция крайнего левого крыла ярче всего сказалась на вопросе о защите отечества. Ленин в 1915 г. писал о революционных войнах, которые придется вести победоносному пролетариату. Но дело шло о неопределенной исторической перспективе, а не о задаче завтрашнего дня. В центре внимания революционного крыла стоял вопрос о защите капиталистического отечества. Революционеры отвечали на этот вопрос, разумеется, отрицательно. Это было вполне правильно. Но этот чисто отрицательный ответ служил основой для пропаганды, для воспитания кадров, но не мог овладеть массами, которые не хотели чужого завоевателя. В России большевики составляли до войны 4/5 среди пролетарского авангарда, т.е. среди рабочих, которые участвовали в политической жизни (газеты, выборы и пр.) После Февральской революции неограниченное господство перешло в руки оборонцев, меньшевиков и социалистов-революционеров. Правда, в течение восьми месяцев большевики завоевали преобладающее большинство рабочих. Но решающую роль в этом завоевании играл не отказ от защиты буржуазного отечества, а лозунг — вся власть советам. Только этот революционный лозунг: критика империализма, его милитаризма, отказ от защиты буржуазной демократии и пр., никогда не могли бы завоевать на сторону большевиков подавляющего большинства народа. Во всех остальных воюющих странах, кроме России, революционное крыло к исходу войны все [ещё выдвигало только отрицательные лозунги].

Вопрос о смене режима поставлен второй войной несравненно повелительнее, неотложнее, чем первой войной. Дело идет прежде всего о политическом режиме. Рабочие знают, что демократия везде терпит крах и, что им угрожает фашизм и в тех странах, где его ещё нет. Буржуазия демократических стран естественно использует этот страх рабочих перед фашизмом, но с другой стороны несостоятельность демократий, их крушение, их безболезненное превращение в реакционные диктатуры, заставляет рабочих ставить перед собой проблему власти, делает их восприимчивыми к постановке проблемы власти.

Сейчас реакция господствует с такой силой, как ещё, пожалуй, никогда в новейшей истории человечества. А было бы непростительной ошибкой видеть только реакцию. Исторический процесс противоречив. Под покровом официальной реакции происходят глубокие процессы в массах, которые накапливают опыт и становятся восприимчивы к новым политическим перспективам. Старая консервативная традиция демократического государства, которая была так могущественна ещё в период прошлой империалистской войны, сейчас существует лишь, как крайне неустойчивый пережиток. Европейские рабочие накануне прошлой войны, свои могущественные по численности партии. Но в порядке дня стояли реформы, частные завоевания, а вовсе не завоевание власти. Американский рабочий класс и сейчас ещё не имеет массовой партии. Но объективная обстановка и накопленный американскими рабочими опыт может поставить в очень короткий период вопрос о завоевании власти в порядок дня. Эту перспективу мы должны [положить] в основу своей агитации. Дело идет не о позиции лишь капиталистического милитаризма и не об отказе от защиты буржуазного отечества, а о непосредственной подготовке к завоеванию власти и к защите пролетарского отечества.

Совершенно очевидно, что в Соединенных Штатах, радикализация рабочего класса сделала только первые свои шаги, почти исключительно в области профессионального движения (С. И. О.). Предвоенный период, а затем война могут временно прервать процесс радикализации, особенно при условии поглощения значительного числа рабочих военной промышленностью. Но этот перерыв процесса радикализации не может длиться долго. Вторая стадия радикализации примет более ярко выраженный характер. В порядок дня встанет проблема создания самостоятельной рабочей партии. Наши переходные

требования завоевывают большую популярность. Наоборот, фашистские, реакционные тенденции стушуются, перейдут в оборонительное положение, выжидая более благоприятного момента. Такова ближайшая перспектива. Гадать о том, удастся или не удастся создать сильную революционную руководительницу, совершенно недостойное занятие. Впереди благоприятная перспектива, дающая все права на революционный активизм. Надо использовать открывающиеся возможности и строить революционную партию.

При каждом разговоре на политические темы неизбежно вспыхивает вопрос: успеем ли мы создать к моменту кризиса достаточно сильную партию? не окажется ли фашизм впереди нас? не неизбежна ли фашистская стадия развития? Успехи фашизма легко заставляют людей терять перспективу, забывать реальные условия, сделавшие возможным усиление и победу фашизма. Между тем ясно понять эти условия представляет особенную важность для рабочих Соединенных Штатов. Можно установить, как исторический закон: фашизм побеждал только в тех странах, где консервативные рабочие партии мешали пролетариату использовать революционную ситуацию и захватить власть. В Германии дело идет о двух революционных ситуациях: 1918—1919 гг. и 1923—1924 гг. Ещё и в 1929 г. возможна была непосредственная борьба пролетариата за власть. Во всех трех случаях социал-демократия и Коминтерн преступно и злостно срывали завоевание власти и тем поставили общество в безвыходное положение. Только в этих условиях, в этой обстановке оказался возможен бурный подъем фашизма и завоевание им власти.

Не окажутся ли во главе нового революционного подъема сталинцы и не погубят ли они революцию, как погубили её в Испании, а раньше в Китае? Считать такую возможность исключенной, например, во Франции, разумеется, нельзя. Первая волна революции нередко, вернее сказать, всегда поднимает те «левые» партии, которые не успели себя окончательно скомпрометировать в предшествующий период и имеют за собой крупную внушительную политическую традицию. Так, Февральская революция подняла меньшевиков, социалистов-революционеров, которые накануне были противниками революции. Так, германская ноябрьская революция 1918 г. подняла к власти социал-демократов, которые были непримиримыми противниками революционного восстания.

11 лет тому назад, в статье, напечатанной в «Нью Републик» (22 мая 1929 г.) Троцкий писал (к сожалению, редакция «Бюллетеня» сейчас не имеет доступа к рукописям Л. Д. Троцкого и вынуждена дать перевод цитаты с английского в своем изложении.): ...Ни одна эпоха человеческой истории не насыщена так антагонизмами, как наша. Под невыносимым давлением классово-и международной вражды «предохранители» демократии «выгорают». Отсюда коротко-замыкания диктатуры. Слабейшие «выключатели», разумеется, поддаются первыми. Но размах внутренних и мировых противоречий не сокращается, а растет. Процесс пока охватил только периферию буржуазного мира, но ему едва ли предстоит улечься».

Это было в тот период, когда вся буржуазная демократия всех стран считала, что фашизм возможен только в отсталых странах, не прошедших школы демократии. Редакция «Нью Републик», которой в тот период ещё не коснулась благодать ГПУ, сопровождала статью Троцкого своей собственной статьей. Статья так характерна для среднего американского филистера, что мы приведем из нее наиболее интересные цитаты. «Ввиду его личных несчастий, сосланный русский вождь обнаруживает замечательную силу беспристрастного анализа, но это беспристрастие строгого марксиста, в котором, нам кажется, не достает реалистического взгляда на историю, т.е. именно того, чем он гордится. Его мнение, что демократия — форма государства, пригодная только на хорошие времена, но неспособная выдержать гроз интернациональных или внутренних

противоречий, поддерживается только (как он и сам признает) примерами взятыми из среды стран, где демократия сделала лишь самые слабые начинания и где, вдобавок, индустриальная революция едва началась».

Далее редакция «Нью Републик» отстраняет пример того, почему демократия Керенского в Советской России не выдержала испытания классовых противоречий и уступила место революционной перспективе. Журнал глубокомысленно пишет: «Слабость Керенского была исторической случайностью, чего Троцкий не может признать, ибо в его механической схеме ничему подобному нет места».

Совершенно так же, как и Двайт Макдональд, «Нью Републик» обвиняла марксистов в неспособности реалистического понимания истории в результате их ортодоксального или механического подхода к политическим явлениям. «Нью Републик» считала, что фашизм есть продукт отсталости капитализма, а не его перезрелости. По мнению газеты, которое было мнением, повторяю, подавляющего большинства среднего демократического филистера, фашизм является уделом отсталых буржуазных стран. Мудрая редакция не дала себе труда подумать, почему в XIX столетии общее убеждение состояло в том, что отсталые страны должны развиваться по пути демократии. Во всяком случае в старых капиталистических странах демократия вступила в свои права, когда уровень их экономического развития был не выше, а ниже экономического развития современной Италии. Даже больше, в эту эпоху демократия представляла большую дорогу исторического развития, на которую все страны вступали одна за другой, отсталые страны вслед за более передовыми, а иногда и раньше их. Наша же эпоха крушения демократии, причем крушение начинается с более слабых звеньев, но распространяется постепенно на те, которые казались крепкими и несокрушимыми. Таким образом, ортодоксальный или механический, т.е. марксистский подход к событиям позволял предвидеть ход развития за много лет. Наоборот, реалистический подход «Нью Републик» представлял, подход слепого котенка. После своего критического отношения к марксизму «Нью Републик» подпала под влияние самой отвратительной карикатуры на марксизм, именно, сталинизма.

Истман пришел, извольте ли видеть, к выводу, что сосредоточение средств производства в руках государства опасно для его «свободы», и поэтому решил отказаться от социализма. Этот анекдот заслуживает быть включенным в историю идеологии. Обобществление средств производства есть единственное решение хозяйственного вопроса на данной стадии развития человечества. Запоздание с разрешением этого вопроса приводит к варварству фашизма. Все промежуточные решения, предпринимавшиеся буржуазией при содействии мелкой буржуазии, терпели жалкое и позорное крушение. Все это совершенно не интересует Истмана. Он увидел свою «свободу» угрожаемой с разных сторон (свободу путаницы, свободу индифферентизма, свободу пассивности, свободу литературного дилетантизма), и он немедленно решил принять свои меры: отказаться от социализма. Поразительное дело: это решение не оказало никакого влияния ни на Нью-йоркскую биржу, ни на политику тред-юнионов. Жизнь пошла своим чередом, как если бы Макс Истман оставался социалистом. Общие правила: чем бессильнее мелкобуржуазный радикал особенно в Соединенных Штатах, [тем крепче он держится за свою «свободу»].

Большинство филистеров новейшей формации основывают свои нападки на марксизм на том факте, что вопреки прогнозу Маркса вместо социализма пришел фашизм. Ничего не может быть тупее и вульгарнее такой критики. Маркс показал и доказал, что на известном уровне капитализма единственный выход для общества состоит в обобществлении средств производства, т.е. в социализме. Он показал также, что в виду классового строения общества только пролетариат может разрешить эту задачу в непримиримой революционной борьбе против буржуазии. Он показал далее, что пролетариат нуждается в

революционной партии для выполнения этой задачи. Он всю свою жизнь, а с ним и за ним Энгельс, а после них Ленин вели непримиримую борьбу против тех черт пролетарских партий (социалистической партии), которые препятствовали разрешению революционной исторической задачи. Непримируемость борьбы Маркса, Энгельса и Ленина против оппортунизма с одной стороны, анархизма — с другой, показывает, что они отнюдь не недооценивали этой опасности. В чем состояла эта опасность? В том, что оппортунизм верхов рабочего класса, подверженных влиянию буржуазии, может помешать, замедлить, затруднить, отсрочить выполнение революционной задачи пролетариата. Именно это состояние общества мы сейчас и наблюдаем. Фашизм вовсе не пришел «вместо» социализма. Фашизм есть продолжение капитализма, попытка увековечить свое существование при помощи наиболее зверских и чудовищных мер. Капитализм получил возможность прибегнуть к фашизму только потому, что пролетариат не совершил своевременно социалистическую революцию. Пролетариат был парализован в выполнении своей задачи оппортунистическими партиями. Единственное, что можно сказать это то, что на пути революционного развития пролетариата оказалось больше препятствий, больше затруднений, больше этапов, чем предвидели основоположники научного социализма. Фашизм и серия империалистских войн являются той страшной школой, в которой пролетариату приходится освобождаться от мелкобуржуазных традиций и предрассудков, состряхивать с себя оппортунистические, демократические, авантюристские партии, выковывать и воспитывать революционный авангард и готовиться таким образом к разрешению задачи, вне которой нет и не может быть спасения развитию человечества.

Л. Д. Троцкий.

Койоакан, 20 августа 1940 г.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)

№ 84.